

ЯЗЫК, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Г.В. Дуринова

РУССКИЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: «НАКАЗ» ЕКАТЕРИНЫ II

Статья посвящена истории формирования русского социально-политического языка. Актуальной задачей исторической семантики является создание «Исторического словаря социально-политической терминологии русского языка». Для этой цели продуктивным представляется использование метода *Begriffsgeschichte* (истории понятий). В отличие от исторической науки и культурологии, для которых смысловое наполнение слова обеспечивает доступ к внеязыковой реальности, для лингвистики интерес заключается в исследовании семантической структуры языка, определяемой содержанием базовых понятий (Р. Козеллек), находящихся выражение в этом языке.

На этапе формирования русской социально-политической терминологии ключевая роль принадлежит официальному дискурсу власти. Так, первым официальным документом, имеющим широкое распространение, в котором отдельные русские слова наполняются политической семантикой, является «Наказ» Екатерины II (1767). Этот документ может рассматриваться как своего рода отправная точка для дальнейшей истории русского социально-политического языка.

В работе анализируется употребление слов *гражданин*, *общество*, *государство* в тексте «Наказа» Екатерины II и лингвистические стратегии перевода этих терминов с французского языка (в основе «Наказа» — «О духе законов» Монтескье).

Употребление рассматриваемых слов как социально-политических терминов создает такую модель политической власти, при которой единственным «узлом», связывающим то, что именуется *обществом* и *гражданином*, является *государь* — абсолютный, ничем не ограничиваемый в своем *государстве* правитель.

Ключевые слова: историческая семантика, социально-политическая терминология, *Begriffsgeschichte* (история понятий).

The article is devoted to the formation of Russian social-political language. The actual problem of historical semantics is the preparation of “Historical dictionary of Russian sociopolitical terminology”. For this aim the

method of Begriffsgeschichte (history of concepts) seems to be appropriate. However, in contrast to the history or culture this method by viewing the semantics of a word as the access to the extralinguistic reality, the main interest for linguistics is exploring the semantic structure of language which is determined by its basic concepts (R. Koselleck).

During the period of formation of Russian sociopolitical terminology the crucial role belonged to the official discourse of power. Thus, the first official document (which has had a wide circulation), where a certain number of Russian words were provided with a political semantics, is the “Instruction” by Catherine II (1767). This document can be viewed as a point of origin for the subsequent development of Russian sociopolitical language.

The article analyzes the usage of such words as *citizen*, *society*, *state* in the text of “Instruction” by Catherine II the Great and linguistic strategies of translation of these terms from French (as “The Spirit of the Laws” of Montesquieu was the basis for Catherine’s “Instruction”).

The usage of this words as sociopolitical terms provides such a model of political power according to which the only “junction” connecting what is called *society* and *citizen* is the absolute, unlimited in his power, *sovereign*, in his own property called the *state*.

Key words: historical semantics, sociopolitical terminology, Begriffsgeschichte (history of concepts).

Интерес гуманитарной науки к социально-политической терминологии европейских языков возник в 70-е гг. XX в. в рамках немецкой школы историографии, связанной с методом Begriffsgeschichte (история понятий). Главный теоретик этой школы Р. Козеллек центральную роль в изучении социальной истории отводил ее лингвистической составляющей — анализу понятий, в которых эта история описывается. Основная идея Begriffsgeschichte состоит в том, что именно семантическое содержание терминов определяет сущность называемых ими внеязыковых явлений¹.

Результатами такого рода исследований стала реализация фундаментальных проектов по составлению исторических словарей социально-политических терминов немецкого и французского языков².

В последнее десятилетие метод истории понятий находит активное применение в исследованиях русского языка. Сфера при-

¹ См.: Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 21—34.

² См. об этом: Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // Понятия о России. Т. I. М., 2012. С. 5—48; Pigué M.-F. Dictionnaire des usages socio-politiques (1770—1815). “Dictionnaires, normes, usages” // Mots. 1990. N 22. P. 120—122; Schultheis F. Un dictionnaire pour un espace européen des sciences sociales // Dictionnaire des concepts nomades en sciences humaines. Paris, 2010. P. 7—11.

менения этого метода не ограничивается областью социальной истории. Так, в понимании В.М. Живова *Begriffsgeschichte* — прежде всего метод исследования культуры в целом как единства «дискурсивных практик»³. Для С.Н. Зенкина история понятий — «экс-клав историографии, обращенной в сторону филологических наук»⁴. Для Б.П. Маслова, напротив, это метод построения «социодискурсивной истории понятий»⁵, где лингвистическая история слова, его концептуальное поле составляют основу анализа.

С точки зрения лингвистики актуальной задачей исторической семантики является создание русского «Исторического словаря социально-политической терминологии»⁶.

Исследователями неоднократно отмечалось, что «в истории ключевых понятий в России высока доля интенциональности, авторства»⁷, что «через свои цивилизующие и ранжирующие речевые акты власть выступает в роли первого “ковача слов”»⁸. Одним из ключевых документов для истории социально-политического содержания тех русских слов, которые впоследствии стали терминами социально-правового и политического дискурса, является «Наказ» Екатерины II (1767).

Этот текст неоднократно становился объектом исследования⁹. В центре внимания этих исследований — социально-по-

³ Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009. С. 10; Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Под ред. В.М. Живова. М., 2012.

⁴ Зенкин С.Н. История понятий и структуральный метод // Зенкин С.Н. Работы о теории. М., 2012. С. 104; Зенкин С., Светликова И. Предисловие // Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слова. М., 2011. С. 5—7.

⁵ Маслов Б.П. Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий в дискурсе Просвещения // Понятия о России. Т. I. М., 2012. С. 343.

⁶ См. об этом: Дуринова Г.В. Метод *Begriffsgeschichte* в лингвистике // Русская филология. 25: Сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. С. 366—369. URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/40073/rus-skaja_filologija_25.pdf?sequence=1 (дата обращения: 12.06.2014).

⁷ Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ См.: Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 1. С. 100—127; Он же. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сб. статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. М., 1993; Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII века: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Исследования и материалы: Сб. памяти Г.С. Кучеренко. М., 2001. С. 9—36; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

литическая доктрина Екатерины II, история создания текста и его переводов на другие языки. В свете направления *Begriffsgeschichte* «Наказ» предстает как источник сведений об истории формирования русских социально-политических концептов¹⁰. Собственно лингвистический аспект «Наказа» представляет исключительный интерес. Это первый официальный и имеющий широкое распространение документ, отражающий формирование социально-политических понятий в русском языке. Это «первая попытка положить в основу законодательства выводы и идеи просветительской философии»¹¹. «Наказ» представляет собой компиляцию современных Екатерине II текстов европейских философско-политических и юридических трактатов (наибольшее количество «заимствований» восходит к работе Монтескье «О духе законов»). Вступая в «просветительский дискурс», Екатерина II понимала, что «идеология русского абсолютизма должна быть адекватна вызовам времени, а потому ей следует усвоить все те достижения европейской политической мысли, которые ей не противоречат»¹². Вопрос в том, что и в какой степени императрица сочла приемлемым для России и как мыслила «внедрение» этих идей на российской почве. Перед автором «Наказа» встала совершенно нетривиальная лингвистическая задача — создать язык, на котором русскими словами можно передавать идеи французского Просвещения.

Система социально-политических понятий французского языка становится донором для создания русской социально-политической терминологии. И чтобы понять, как именно происходила рецепция этих смыслов, необходимо учитывать: 1) «Наказ» — политическая программа Екатерины II, отражающая ее видение государственного устройства России; 2) автор «Наказа» — лицо, обладающее высочайшим социальным престижем: это слова не философа (как, например, тексты Монтескье в философско-политическом дискурсе во Франции), а монарха; 3) хотя документ не стал легитимным (это не свод законов), он получил широкое распространение (через публичное зачитывание текста в правительственных учреждениях); 4) при переводе французских

¹⁰ См. замечания в статье: Хархордин О. Что такое «государство»? // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 152—216.

¹¹ Чечулин Н.Д. Введение // Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта новаго Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 1.

¹² Ивский А.Д. Литературная политика Екатерины II. Журнал «Собеседник любителей русского слова». М., 2012. С. 5.

социально-политических терминов Екатерина II использовала языковые стратегии, отвечающие ее замыслу.

В данной статье рассматривается употребление слов *гражданин*, *общество*, *государство* (фр. *citoyen, société, Etat*) в русском и французском текстах «Наказа».

В русском языке эти слова имеют различную историю бытования.

Для слова «государь» в словаре древнерусского языка И.И. Срезневского выделяются следующие значения: «господин в смысле князя и вообще властителя», «владелец», «хозяин», «титул великого князя»¹³. Семантика власти (в том числе политической) присутствует в слове изначально, о чем свидетельствует и словообразовательная структура: *государь-ство* («имеющее отношение, принадлежащее государю»).

Иначе обстоит дело со словами *гражданин* и *общество*: у этих слов нет исконной связи с социально-политической сферой. Так, *гражданин* — номинация жителя по месту проживания («гражданин» — «гражданин»). Семантика же слова *общество* предельно широка («общность») и связана с однокоренными словами, имеющими значения «вместе», «общий», «общение»¹⁴.

В словаре языка XVIII в. находим то же соотношение: «общество» — это прежде всего «всеобщность», «совокупность» (ср.: *человеческое общество, общество священников*), гражданин — «горожанин». И только с «государством» связывается социально-политический смысл: «страна под одним управлением», «власть государя»¹⁵.

Стратегия Екатерины в отношении терминов *государство*, *государь* состоит в том, чтобы сделать их доминантными в русском социально-политическом словаре. Представленные во французском тексте *Etat, Empire, Monarchie, Patrie, Gouvernement policé* достаточно последовательно заменяются в русском тексте на *государство*. Та же стратегия и в отношении слова *государь* (фр. *Souverain, Monarque, Prince*). Здесь то же соответствие, что и во французской модели *royaume — roi* (королевство — король).

Что касается слов *гражданин* и *общество*, то им только предстоит приобрести политическую семантику, и это происходит в неравной степени.

Контекстов на слово *общество* значительно меньше, чем для других рассматриваемых слов. Именно контексты с этим словом

¹³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. С. 563—566.

¹⁴ Срезневский И.И. Указ. соч. С. 578—583.

¹⁵ Словарь русского языка XVIII века. Вып. XVI. СПб., 2006. С. 119—123.

обнаруживают наименьшую степень корреляции между русским и французским текстами. Показательно, что для русских контекстов характерна неточность перевода или отсутствие соответствующего термина; смысловой спектр русского слова шире, является менее специфицированным, чем его французский «аналог».

Французское слово *société* в последней трети XVIII в. — термин, политическая семантика которого зафиксирована в 1762 г. даже консервативным «Словарем Французской академии», — это «объединение людей на естественном основании и на основании законов»¹⁶. Причина появления такой смысловой структуры у слова *société* связана не только с экстралингвистическими причинами (прогрессивные политические идеи во Франции), но и в немалой степени с семантикой корня и заключенными в нем смысловыми потенциями. Латинское *sociare* — это идея соединения двух равноправных элементов. И очень рано у слова *société* появляется значение «союз равноправных людей для совместного дела»¹⁷ (XV в.). Уже в первом издании «Словаря Французской академии» (1694) фиксируется употребление, где слово *société* выступает в роли субъекта (по метонимическому переносу): *Lasociété des Jésuites*¹⁸.

Совсем иная логика для русского корня *-общ-*: его значение, индифферентное как к статусу потенциальных участников ситуации общности, так и к цели этого объединения, является максимально широким: спектр того, что может быть «общим», предельно широк. Поэтому, когда Екатерина II переводит определение государства по Монтескье как «собрание людей, обществом живущих, где есть законы» (ст. 37), слово *общество* не может выступать в роли семантического субъекта действия, тогда как французское *société* — это субъект правового и политического дискурса. Это можно наблюдать в следующем примере. В русском тексте: «Право давать законы о наказаниях имеет только один законодатель как представляющий во своей особе все общество соединенное» и во французском: «Le droit de faire des Loix pénales ne peut résider que dans le Législateur, comme représentant en sa personne toute la Société» (ст. 148). Во французском тексте «законодатель» выступает как «представитель интересов всего общества». В русском тексте он представляет «в своей

¹⁶ Цит. по: Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. М., 2000. С. 170.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Цит. по: Branca-Rosoff S., Guihaumou J. De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursif // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770—1815). F. 7: Notions théoriques. Paris, 2003. P. 153.

особе все общество соединенное». Дополнительное слово *соединенное* «выдает» отсутствие социально-политической семантики у слова *общество*, проявляя его значение как «соединение людей», «все люди». По этой же причине в русском тексте может появляться слово *общество*, которого нет во французском тексте. Так, формулировку «сей закон весьма полезен для общества» (ст. 180) следует понимать как «полезен всем людям». Во французском тексте валентность адресата остается незаполненной («*laloiestutile*»), потому что это привело бы к смысловой избыточности: понятие *loi* (закон) неразрывно связано с понятием *société*¹⁹. Все это приводит к тому, что в русском и французском тексте выражены, в сущности, совершенно противоположные смыслы: во французском речь идет о соединении людей на основании общего закона, а в русском — о суверене, выдвигающем закон исходя из собственных представлений о «полезности» закона для всех подданных.

Пожалуй, наибольший интерес представляет в «Наказе» слово *гражданин*.

Его изначальная семантика — «житель», тот, кто населяет. Но одновременно с таким узким значением («обладающий гражданством города») бытует и другой тип употребления: *гражданин* — общая номинация для жителей страны. В законодательстве жители страны назывались *подданными* (ср. «*О разном состоянии подданных вообще*», «*ко благополучию верных наших подданных*» и др.). Единственным официальным документом, вводящим в социально-правовой дискурс «конкурирующий» с общепринятым термин, является «Наказ». Как отмечает Е.Н. Марасинова, соотношение терминов *гражданин* — *подданный* в тексте «Наказа» примерно 100 : 10, тогда как в других документах второй половины XVIII в. — 1 : 100²⁰. И хотя в «Наказе» в духе риторики эпохи Просвещения содержится немало определений, связывающих *гражданина* с *законом* и постулирующих равенство объединенных этой номинацией («*Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам*», «*чтобы всяк из граждан мог сказать, что живет под защитой законов*»), гораздо более осязаем и конкретен другой смысл: *граждане* — это те же *подданные*, но к понятию прибавляется дидактический компонент («*Правила воспитания суть первые основания*

¹⁹ См. об этом: *Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris, 1973.*

²⁰ См.: *Марасинова Е.Н. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 105.*

приуготавливающие нас быть гражданами»). Будущим гражданам нужно с детства «вперяти любовь к Отечеству», «страх Божий», «охоту к трудолюбию», «почитание гражданских законов» и пр. А цель этого воспитания — «быть полезными общества членами и служить оному украшением»²¹.

Понятие *гражданин*, конечно, не полностью совпадает с *подданным*, но продолжает ту же смысловую линию, одновременно усложняя и структурируя свою семантику. Общая для *гражданина* и *подданного* семантика подчинения власти усложняется внедряемым компонентом «отношения между подданными» (*сограждане*), выражающим все те же обязательства перед властью (без эксплицируемых прав).

В тексте «Наказа» из трех рассматриваемых слов *гражданин* наиболее частотное. В соотношении с французскими контекстами употребления слова *citoyen* представлена диссоциация по категории числа. Речь идет о двух типах ситуаций: 1) французскому единственному числу соответствует русское множественное (ср. «сердце граждан» и «*coeur du Citoyen*», «безопасность граждан» и «*sûreté du Citoyen*»); 2) русскому единственному числу соответствует французское множественное («жизнь каждого гражданина» — «*la vie des citoyens*»). В первом случае множественное число для русского слова свидетельствует о его слабой степени терминологизированности. Слово остается номинацией множества людей, не предполагая особого референта — субъекта политико-правового дискурса. Во втором случае множественное число французского слова означает, что номинации *гражданин* подвержены разные «категории людей», т.е. люди не разъединены тем, кто называется *гражданином* или нет, а самые разные люди соединены в этой номинации. Рассмотрим следующий пример. В русском тексте: «Если властям, должествующим исполнять по законам, дозволить право задержать гражданина, могущего дать по себе поруки, то там уже нет никакой вольности»; во французском: «*Sila puissance Législatrice laisse à l'exécutrice le droit d'emprisonner des Citoyens, qui peuvent donner caution de leur conduite, il n'y a plus de liberté*» (ст. 135). «Гражданин, могущий дать по себе поруки», называет, в сущности, «платежеспособную» категорию населения. Русское единственное число может свидетельствовать о том, что, терминологизируясь, термин «гражданин» становится не политико-правовым, а сословным.

²¹ Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта новаго Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. С. 105.

Гражданин — номинативная единица для модели «часть — целое». Характерно, что самому первому употреблению слова *citoyen* в русском тексте соответствует описательная конструкция «честный человек в обществе» (ст. 2). *Гражданин* — это своего рода номинативная единица политически нейтрального общества, а точнее, того общества, на которое направлена *государева воля* в форме закона. Закономерно, что русское слово *гражданин* появляется в тех контекстах, где во французском тексте использованы другие номинации — *esprits, individus* (ст. 208). Наиболее яркое проявление моделируемой смысловой структуры «гражданин как объект трансляции государевой воли» можно наблюдать на следующем примере. В русском тексте: «В государстве, противу внешних неприятелей защищенном и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках Самодержца, в таком государстве не может быть в том нужды, чтобы отнимать жизнь у гражданина»; во французском: «Dans un état défendu contre les ennemis du dehors et soutenu au dedans par la force et par l'opinion; où l'autorité est entre les mains du Souverain; il ne peut y avoir aucune nécessité d'ôter la vie à un Citoyen» (ст. 210). Формально разница лишь в том, что в русском тексте заполнена валентность субъекта («вкоренившимся мнением во гражданах»), а во французском нет («par l'opinion»). Понять это различие можно, обратив внимание на сочетаемость: в русском тексте — «вкоренившимся мнением во гражданах», тогда как во французском используется глагол *soutenir* («поддерживать»). Этот глагол указывает на граждан государства в качестве субъекта действия. А слово *вкоренившееся* как раз предполагает *гражданин* в качестве объекта этих действий: «власти вкореняют нечто в сознание граждан».

Таким образом, три рассматриваемых слова (*гражданин, общество, государство*) в тексте «Наказа» входят в три типа отношений: «государство — гражданин» (где *гражданин* — номинация, равноправная с другими синонимичными: *люди, народ, подданные*); государство — общество (где *общество* — собирательная номинация для всех жителей страны); гражданин — общество (механизм отношения не эксплицирован). Основные выводы анализа могут быть сформулированы следующим образом: 1) магистральной смысловой и терминологической линией становятся «государь — государство»; 2) специфическое терминологическое значение получает слово «гражданин»: человек как «мишень» для проявления государевой воли и как ее исполнитель; 3) *граж-*

данин как единица *народа, людей и подданных*, которых объединяет подчинение *закону веры и закону государственному*; 4) слово *общество* не становится термином, однако отвечает на «запрос» номинации политически неактивных и всецело зависящих от воли государя *людей*.

Кристаллизация понятий *гражданин, общество* как социально-политических терминов происходит на фоне конструирования той модели политической власти, при которой единственным «узлом», связывающим то, что именуется *обществом, законом, правом*, является суверен, т.е. абсолютный, ничем не ограничиваемый правитель.

Список литературы

Агеева О.Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.): Сб. статей. Вып. I. М., 1994.

Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. М., 2000.

Дуринова Г.В. Метод Begriffsgeschichte в лингвистике // Русская филология. 25: Сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 2014. URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/40073/russkaja_filologija_25.pdf?sequence=1

Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009.

Зенкин С.Н. История понятий и структуральный метод // Зенкин С.Н. Работы о теории. М., 2012.

Зенкин С., Светликова И. Предисловие // Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слова. М., 2011.

Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II. Журнал «Собеседник любителей русского слова». М., 2012.

Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.

Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.): Сб. статей. Вып. I. М., 1994.

Мадариаса И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Марасинова Е.Н. Рабы и граждане в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008.

Маслов Б.П. Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий в дискурсе Просвещения // Понятия о России. Т. I. М., 2012.

Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие // Понятия о России. Т. I. М., 2012.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. М., 1993.

Плавинская Н.Ю. «Наказ» Екатерины II во Франции в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII века: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Исследования и материалы: Сб. памяти Г.С. Кучеренко. М., 2001.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. XVI. СПб., 2006.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903.

Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сб. статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.

Тарановский Ф.В. Судьба Наказа императрицы Екатерины Второй во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 1.

Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011.

Хархордин О. Что такое «государство»? // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002.

Чечулин Н.Д. Введение // Наказъ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта новаго Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907.

Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Под ред. В.М. Живова. М., 2012.

Branca-Rosoff S., Guihaumou J. De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursif // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770—1815). F. 7: Notions théoriques. Paris, 2003.

Piguet M.-F. Dictionnaire des usages socio-politiques (1770—1815). «Dictionnaires, normes, usages» // Mots. 1990. N 22.

Robin R. La société française en 1789: Semur-en-Auxois. Paris, 1973.

Schultheis F. Un dictionnaire pour un espace européen des sciences sociales // Dictionnaire des concepts nomades en sciences humaines. Paris, 2010.